

Текст как тело в еврейском мистицизме: к онтологии сакрального текста

Халтурин Юрий Леонидович

Магистрант 2 г. обучения

Уральский государственный университет им. Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: mogel@list.ru, uriy_halturin@mail.ru

Введение

По мнению современного исследователя гуманитарных практик Ганса Гумбрехта, кризис современной культуры, а также гуманитарных наук, состоит в предпочтении «культуры значения» «культуре присутствия». В основании этой бинарной оппозиции лежит противопоставление телесного опыта толкованию значений, на которое накладывается ряд других противоположностей (дух-тело, эксцентрическая позиция субъекта - включенная позиция, истолкование – откровение, глубина – поверхность, знак – вещь, преобразование - согласование, власть – насилие, время – пространство, инновация – традиция, игра – карнавал, метафизика - постметафизика). Иными словами, кризис современной познавательной парадигмы основан на тезисе «все есть текст», который приводит к чрезмерному превознесению смысла и забвению чувственности, повседневности, вещественности и материальности, а также эффектов удовольствия, наслаждения и телесных практик освоения мира. Существуют ли какие-либо образцы для осуществления перехода от «культуры значения» к «культуре присутствия»? Мы предполагаем, что эти два «идеальные типа» культуры до некоторой степени аналогичны другой типологии, а именно оппозиции «Афины - Иерусалим», развиваемой Шестовым, Левинасом, Розенцвайгом и другими мыслителями для понимания оснований европейской культуры как меры их синтеза. Наша задача состоит в том, чтобы показать на материале каббалы, мистики «Иерусалима», каким образом мы можем переосмыслить центральную категорию «культуры значения» - а именно, «текст», с помощью центральной категории «культуры присутствия» - «тело». По нашему мнению, понимание текста в еврейском мистицизме демонстрирует нам модель преодоления метафизического (он же герменевтический и семиотический) подхода к миру и открывает возможность перехода к некоторому постметафизическому миропониманию. Таким образом онтология сакрального текста задает горизонт некой новой онтологии понимания «мира как тела» или «бытия как присутствия».

Текст как тело

Если классическая античная метафизика «Афин», а вслед за ней и вся дальнейшая философская традиция мыслит тело как текст, или некий «знак», «выражение», «форму» души или духа, то в еврейской мистической традиции наоборот сам текст рассматривается как тело. Мы можем выделить несколько аспектов такого подхода к тексту. Во-первых, текст мыслится не только как значащая форма или аудиальное сообщение, но и как некая визуальная реальность – как то, что созерцается, открывается и прячется, не рассказывается, а показывается. В связи с этим в некоторых мидрашах и мистических текстах появляется этимология слова «Тора», производимая от слова «теория», а также световой символический ряд Торы как основного текста иудаизма. Во-вторых, текст зачастую символизируется различными стихиями – чаще всего водой, огнем и землей. В-третьих, текст мыслится не только как нечто зримое, присутствующее, выставленное на показ или сокрытое от глаз, чувственное и материальное, но и собственно как антропоморфное, живое, одушевленное тело (причем так описываются и другие семиотические образования – слова, буквы, знаки огласовки и кантиляции, их форма и расположение и т.д.). Более того, это тело не только одушевлено, оно также надделено органами. Такое органически-телесное видение текста встраивает его в ряд телесных символов таких категорий как «мир», «бог», «человек». Тело текста является в еврейском мистицизме самодостаточным. Если в христианской традиции уровни толкования текста накладываются на триаду тело-душа-дух, то в еврейской мистике как раз тело в его плотской самодостаточности является наиболее

глубоким слоем толкования, а более внешние символизируются образами одежды и дворца. Наконец, тело текста явно сексуализировано, наделено полем и эротизмом, являясь прежде всего телом женским – соблазняющим и обольстительным.

Текст и телесные практики

Не только сам текст, но и практики его освоения описываются в еврейском мистицизме как телесные. Ганс Гумбрехт выделяет три типа телесных практик: поедание, проницание и одержимость (мистицизм). В еврейской мистике эта типология более развернута. Во-первых, важное место занимает практика проницания в ее эротической и сексуальной форме. Так, производство текста, сам процесс письма описывается в эротических категориях (стило=фаллос, бумага=женщина, чернила=семя), а зачастую и в аутоэротических (самосозидание божества как процесс самоописания и аутоэротической игры). Процесс трансляции и передачи текста также символизируется эротически (текст Торы как брачный договор и между Богом и Общиной Израиля или брачное украшение последней, Тора как невеста Бога или невеста Израиля). Наконец, чтение текста также описывается как эротический контакт.

Во-вторых, важным типом практики является поедание и поглощение. Так, Тора может символически описываться как хлеб, вино, вода, молоко, мед, которые поглощаются в процессе чтения и изучения Торы. Поглощение тела текста может иметь не только символический, но и реальный характер некоего магического ритуала. В-третьих, важной практикой является воплощение. Эта практика имеет два аспекта – перевоплощение, преобразование человеческого тела в тело Торы, становление человека текстом, и воплощение Торы в теле человека, одержимость мистика телом богооткровенного текста (феномен маггида – мистического медиума). Четвертым типом практики является облачение. В этом случае текст понимается как одеяние, в которое облачается мистик. Общим для всех перечисленных текстуально-телесных практик является их игровой и гедонистический характер, т.к. основной их эффект – производимое ими удовольствие и наслаждение, степень интенсивности которого определяет степень освоения текста.

Таким образом, в рамках еврейской мистической традиции сакральный текст Торы и практики освоения этого текста описываются в телесных категориях и символах. Текст, следовательно, рассматривается не семиотически и герменевтически (как знаковая система и механизм генерации, трансляции и трансформации смыслов), и такое понимание текста не укладывается в модели, выработанные европейской философией, открывая нам возможности иной парадигмы мышления – парадигмы «присутствия». Отметим, что проанализированное понимание текста выходит за пределы категории сакральных текстов. Понимание текста как тела мы можем найти у Джойса в его «Улиссе», сексуально-эротическое отношение к процессу письма и чтения – у Флобера и Набокова, а метафоры чтения как поедания – у Чорана. Эти примеры показывают, что иудейский мистический подход к тексту не уникален и вписывается в некую парадигму, альтернативную классической и открывающую нам новые горизонты онтологии. В философской традиции принципы подобной парадигмы заложены такими мыслителями как М. Хайдеггер, Ж.-Л. Нанси, Р. Барт. Нашей же задачей было обнаружение истоков и религиозного преломления этой парадигмы.

Источники:

1. Dan Joseph. (2002) *The heart and the fountain. An anthology of Jewish Mystical Experiences.* Oxford University Press.
2. Louis Jacobs. (1976) *Jewish mystical testimonies. The anthology of texts.* Keter Publishing House, Jerusalem.
3. Matt Daniel C. (1996) *The Essential Kabbalah.* San Francisco: Harper Collins Publishers.
4. Meltzer David (1976) *The Secret Garden. An Anthology in the Kabbalah.* New York: The Seabury Press.

5. Бахир (Сияние). (2002) Москва.: Сфера.
6. Раби Шимон. (1994). Зогар. Москва: Гнозис.
7. Раби Шнеур-Залман. (2005) Ликутей Амарим (Тания). Москва: Шамир

Литература:

1. Scholem Gershom G. (1969). On the Kabbalah and Its Symbolism. New York: Schocken Books.
2. Патай Р. (2005) Иудейская богиня. Екатеринбург: У-Фактория.
3. Убрехт Г. У. (2006) Производство присутствия. Москва: Новое литературное обозрение.